

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора исторических наук Александра Эдуардовича Котова на диссертацию Крота Максима Николаевича «Северо-Западные окраины Российской империи в отечественном национально-консервативном дискурсе второй половины XIX – начала XX в.», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по научной специальности 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

Диссертационное исследование Максима Николаевича Крота посвящено актуальной как в научном, так и в общественно-политическом плане проблематике: воззрениям русских национальных консерваторов второй половины XIX – начала XX вв. на процессы, шедшие в Северо-Западном крае и Прибалтийских губерниях Российской империи – которые автор объединяет в единый «империобразующий» регион.

Обширность проблематики обусловила необходимость привлечения широкой источниковой базы: архивных фондов ГАРФ, РГИА, ОР РГБ, ОР РНБ, РГАЛИ, НИАБ (многие материалы которых впервые вводятся в научный оборот), многочисленные опубликованные документы, материалы периодической печати, документы личного происхождения. Широкий, хоть и неизбежно неполон, историографический базис работы. В целом, один только список источников и исследований занимает более ста страниц. Не вызывает вопросов и методология исследования, в рамках междисциплинарного подхода сочетающая классические и неклассические методы исторической науки с методологией смежных специальностей. Не избавившись окончательно от пережитков конструктивизма (т. 1, с. 338), автор всё же успешно преодолевает наиболее идеологизированный его постулат – противопоставление империй и наций – солидаризируясь с теми исследователями, которые утверждают, что «империи не только не сдерживали, но, напротив, активно способствовали процессу нацистроительства, представлявшему собой целенаправленную имперскую стратегию, являвшуюся ответом на вызов национализма» (т. 1, с. 132).

Применение данной парадигмы к осмыслению идеологами русского консервативного национализма проблематики северо-западных окраин империи и является «лейтмотивом» работы.

Национально-консервативная доктрина рассматривается автором как особый дискурс, включающий в себя комплекс связанных между собой в идейном и смысловом отношении текстов, формируемых в процессе интеллектуальной деятельности и полемики с оппонентами. Данный подход представляется вполне оправданным, поскольку он позволяет связать рассматриваемые идеи и концепции с различными формами их репрезентации и коммуникации, а также является дополнительным элементом интеллектуальной групповой идентичности, формировавшейся у отечественных консервативных националистов.

Вышеизложенное позволяет со всей уверенностью говорить о научной значимости и новизне диссертации М.Н. Крота, обусловленной методологическим подходом автора к изучению сформулированной им проблемы, что позволило не только дополнить исследованные ранее в историографии сюжеты и ввести в научный оборот новые источники, но и выработать обоснованный концептуальный взгляд на происходившие в указанном регионе процессы. Диссертационное исследование М.Н. Крота, опирающееся на новейшие теоретико-методологические подходы исторической науки, обширный круг источников, достижения современной историографии вносит весомый вклад в изучение роли русских консерваторов как крупнейшей интеллектуальной и общественной силы пореформенной России в разработке концепции интеграции северо-западных регионов во второй половине XIX – начале XX вв.

Первая и вторая главы работы посвящены идейным основам и научному осмыслению консервативного дискурса рассматриваемого периода, а также преломлению в его рамках проблематики, связанной с государственным строительством. Далее автор переходит к собственно региональным аспектам: общим подходам консерваторов к проблеме интеграции Северо-Западного края в общерусское имперское пространство, а также формам и методам «мягкой силы» как в вышеупомянутом регионе, так и в остзейских губерниях.

В контексте выявления данных методов, связываемых с высказыванием М.Н. Каткова о необходимости «нравственного завоевания» края, автором проведен комплексный анализ национально-консервативных концепций реализации конфессиональной и образовательной политики. Выявленные расхождения и вызванные ими дискуссии справедливо связываются с внутренней неоднородностью национального консерватизма и различиями в концептуальном наполнении отстаиваемых им «русских начал».

Вполне справедливо уделяя повышенное внимание используемым в национально-консервативном дискурсе понятиям «русификация» и «обрусение», М.Н. Крот делает вывод о том, что они наделялись политическим и социокультурным, а не ассимилятивно-этническим содержанием. Автор сумел доказать, что обозначаемая ими модель интегративной политики носила преимущественно «оборонительный» характер, пытаясь противодействовать вызовам со стороны альтернативных ассимилятивных проектов.

На наш взгляд, автору удалось обозначить и раскрыть ту значительную роль, которую сыграли русские мыслители национально-консервативной направленности в актуализации проблемы интеграции северо-западных окраин России и в их ментальном «перекодировании», заключавшемся в трансформации восприятия и репрезентации данных территорий в общественно-политическом дискурсе. Фиксируемая многими современниками недостаточная эффективность интегративной политики центральных властей в регионе вполне обоснованно побудила диссертанта посвятить отдельный параграф анализу причин данной ситуации, определяемых национальными консерваторами. Это, помимо всего прочего, позволило автору выявить значительную асинхронность реализуемой в крае административной практики и национально-консервативной модели его интеграции.

Важным также представляется заключение автора о тесной взаимосвязи между центральным и региональным уровнями национально-консервативного дискурса, которая свидетельствует о значительной роли окраинной русской общественности в выработке основных положений данной доктрины и их практическом «приложении» к северо-западным окраинам.

Разумеется, обширность проблематики не могла не привести к некоторым неизбежным лакунам на общем вполне рельефном и достоверном фоне создаваемой автором концепции. Наиболее принципиальными из них, на наш взгляд, являются собственно рамки исследования: территориальные и интеллектуальные.

«Империиобразующий» северо-западный регион империи включает в себя, по мнению автора, Северо-Западный край и Прибалтику. Однако даже в восприятии современников Северо-Западный край по характеру своих национальных проблем был значительно ближе к Юго-Западному краю: в публицистике тех лет можно даже встретить неофициальную формулировку «Северо-Юго-Западный край». Пытаясь обосновать свой подход, автор указывает на то, что «общность проблем и процессов, происходивших в Северо-Западном крае и в Прибалтийских губерниях обуславливает необходимость сопоставления и общего анализа основных тенденций, характерных для всего северо-западного региона» (т. 1, с. 156-157), однако «реалии на земле» объективно вынуждают обращаться к сюжетам, напрямую связанным с Юго-Западом: воззрениям М.В. Юзефовича, характеристикам украинофильства и т.п. На наш взгляд, эти сюжеты следовало развить, выделить в соответствующие параграфы и говорить о западных окраинах империи в целом.

Не менее спорными являются интеллектуальные рамки: те мыслители и деятели, которых Крот причисляет к «национальным консерваторам». Разделяя общепринятый тезис о разделении сложного идеологического спектра консервативных доктрин на консерватизм сословный и национальный (разделяемый, в свою очередь, на «катковский» культурно-государственный и славянофильский «религиозно-национальный» – т. 1, с. 294-295), автор делает предметом своего исследования последний, указывая на его сущностную специфику – стремление к «преодолению свойственной Российской империи гетерогенности посредством всесторонней унификации государственного пространства и активной интеграции национальных окраин» (т. 1, с. 207). Однако одновременно ему, по мнению автора, свойственна «имперскость», которая «представляет собой аналитическую категорию, характеризующую

принципиальную гетерогенность государственного пространства, сохраняющего свою целостность. Данное свойство выразилось в сознательном сохранении дискретного характера всей совокупности имперских территорий, являвшихся при этом единым полем социальных и политических усилий верховной власти, управлявших многообразием при помощи самых разнообразных методов, сочетавших в себе и жесткие силовые меры и практики “мягкой силы”, выбор которых определялся ситуативной логикой» (т. 1, с. 233).

Так и не определившись окончательно с отношением национальных консерваторов к необходимости преодоления гетерогенности имперского пространства, далее мы узнаем о существовании в русском консерватизме «сословно-имперского крыла» (т. 2, с. 181), наиболее ярким представителем которого совершенно справедливо называется К.Н. Леонтьев – хорошо известный именно как критик политического национализма и последовательный апологет именно гетерогенности – пусть и культурной, но опирающейся на вполне реальные корпоративные права (сословные привилегии, «независимость» Церкви и т.п.). В равной с Катковым степени отвергая расово-биологическую этничность как основу национальной солидарности, Леонтьев был последовательным противником катковского идеала, который автор совершенно справедливо определяет так: «цельная, гомогенная Российская империя, единство которой определялось [...] по культурно-политическому критерию», а государственная гомогенность имела «не только территориальный, но и социально-политический смысл, распространяясь на само общество и его институты» (т. 1, с. 271)

Цитируя далее колоритные леонтьевские тезисы об «остзейском породистом бароне» (т. 2, с. 181), Крот почему-то не обращается к аналогичным (хоть и куда более «политкорректным») высказываниям В.Д. Скарятин. Т.н. «партия “Вести”», с «консерватизмом» которой активно полемизировали катковцы и славянофилы, вообще оказывается практически вне пределов исследовательской оптики – автор лишь указывает на противоречие «сословно-собственнической солидарности» с «идеями национального единения» (но как же тогда Леонтьев?), а также на «условный

и ситуативный характер терминологического сопровождения указанной дискуссии, участники которой не придавали столь повышенного внимания используемым им определениям, какое уделяется им в современном исследовательском пространстве» (т. 1, с. 210-211). Между тем, как нам представляется, и оживленные дискуссии 1860-х гг. о консерватизме, и тот факт, что именно на страницах «Вести» появился лозунг «Россия для русских», всё же дает публицистам этой газеты право на пусть и не повышенное, но всё же некоторое внимание исследователя консервативного национализма.

Аргументируя свой подход, автор указывает также на то, что сторонники сословного консерватизма были не столько консерваторами, сколько «консервативными революционерами», и справедливо отсылает к брошюре Ю.Ф. Самарина «Революционный консерватизм», направленной против «псевдоконсерватора» Р.А. Фадеева (т. 1, с. 190) – что не мешает во втором томе цитировать в качестве «национально-консервативной» газету «Русский мир» (т. 2, с. 99-105), в которой Фадеев играл не меньшую роль, чем М.Г. Черняев.

Далее автор пишет, что «реакционным» «псевдоконсерваторам» был свойственен определенный утопизм, противоречивший социальным реалиям: ««Консервативный утопизм» свойственен социальным группам и индивидам, не сумевшим адаптироваться к происходившим переменам, утрачивающим свой привычный социальный статус, не принимавшим новую систему ценностей, порождаемую модерным обществом, рассматривавшим современность как определенную стадию разрушения и деградации привычного общественного порядка, который необходимо сохранить любой ценой, в том числе путем разрушения сакрализующей существующий строй мифологии. Данная тенденция может вступать в прямое противостояние не только со сторонниками более или менее радикальных преобразований, но и с консервативными защитниками существующего порядка, считавшими необходимым его поступательное обновление» (с. 190). Однако и леонтьевский «гептастилизм», и воззрения Шарапова (разбираемые в качестве национально-консервативных – т. 2, с. 181-185) куда более утопичны, чем

робкие претензии апеллировавшей к карамзинской традиции «Вести» на защиту прав помещиков и отдельные элементы сословного представительства.

Тем более, что далее автор, характеризуя традиционную национальную политику Российской империи, излагает, по сути, программу сословных консерваторов: «Главной особенностью российской политики в отношении интегрируемых народов была их социальная ассимиляция, предполагавшая вхождение местных элит в состав государственного господствующего сословия с обязательством лояльности и верной службы. Такая интеграция не предполагала этнической, а зачастую и конфессиональной ассимиляции, способствуя формированию разнородной по составу имперской элиты, связываемой верностью верховной государственной власти» (т. 1, с. 242-243). Думается, под этой характеристикой подписались бы практически все оппоненты «русской партии» (включая и обвиняемого на с. 264 в «федерализме» Шедо-Ферроти), уличавшие сторонников «преодоления гетерогенности» в революционном экстремизме отнюдь не с меньшим пафосом, чем их обвиняли в этом Катков с Самариним.

Разумеется, сословный консерватизм не был однороден. Он менялся и по мере «национализации» культурной и политической повестки – и тот же Леонтьев испытал на себе сильное воздействие славянофильства. Однако и его «православный византизм» радикально отличался от «розового» славянофильского православного «полупротестантизма», и их с Т.И. Филипповым отношение к «московскому опричнику» Каткову были не менее значимыми, чем вполне ситуативная полемика либерального англомана Каткова с не менее англоманской «Вестью».

Попытка же соединить этих двух консерваторов в рамках одного направления приводит к некоторым противоречиям. Так, излагая консервативное понимание «истинного» прогресса автор на с. 201-203 первого тома пересказывает взгляды Леонтьева – чье понимание прогресса было циклическим, – и на той же 203 странице, в рамках изложения консервативной доктрины, переходит к Каткову, который революционной модели прогресса противопоставлял модель, в сущности, либеральную – и вполне линейную, а затем и к М.О. Меньшикову, чей либеральный национализм по отношению к

леонтьевскому «культурному» был буквально «враждебным полюсом» (с. 204).

Возможно, подобных неоднозначных моментов удалось бы избежать при более тщательной работе с источниками и историографией. Так, тот же Леонтьев цитируется то по изданию 1886 г. (т. 1, с. 178), то по изданию 1996 г. (т. 2, с. 202), то по собранию сочинений 1912 г. (т. 2, с. 181) – как будто автору не известно подготовленное О.Л. Фетисенко полное собрание сочинений и писем мыслителя, ставшее культовым для всех, интересующихся историей русской мысли. И наоборот, публицистику М.Н. Каткова было бы целесообразнее цитировать именно по отражающим общий «ситуативный» контекст первым журнальным и газетным публикациям – т.к. издатели полного собрания передовиц «Московских ведомостей» могли адаптировать ранние «либеральные» публикации Каткова под новые политические реалии, а новейшие издатели просто механически воспроизводили избранные тексты из этого собрания. «Не повезло» и воспоминаниям А.Н. Куломзина (т. 1, с. 264), и письмам Каткова к государям – которые цитируются по архивным документам, без указания на их публикацию. Если же эти публикации являются неполными и требуют сверки с содержимым архивных фондов – было бы целесообразно указать на данную неполноту.

Определенной неполнотой страдают историографическая и источниковедческая составляющие диссертации. Отсутствие в 2025 г. ссылок на монографию о Леонтьеве О.Л. Фетисенко, а также на книгу А.А. Иванова об истории лозунга «Россия для русских» трудно чем-либо объяснить. Вообще, из работ петербургского исследователя есть ссылки только на две статьи – тогда как подготовленные им антологии о национализме существенно обогатили бы источниковую базу диссертации. Еще в большей степени не хватает изданной О.Л. Фетисенко переписки Леонтьева с Филипповым и Фуделем, а также многочисленных архивных материалов, изданных подготовленных А.П. Дмитриевым. Рассказывая о взглядах Б.М. Маркевича (т. 1, с. 278) и П.К. Щебальского (т. 1, с. 348), следовало бы упомянуть публикации Е.В. Переваловой и (во втором случае) наши работы; о взглядах Победоносцева (т. 1, с. 327) – монографии А.Ю. Полунова; А.П. Заблоцкого-

Десятовского (т. 1, с. 358) – диссертацию Э.О. Захаровой; А.С. Будиловича (т. 2., с. 261-263) – О.А. Фомичевой; об о. И. Фуделе (т. 2, с. 59-69) – изданную О.Л. Фетисенко его переписку с Леонтьевым, нашу статью 2019 г. о воззрениях этого деятеля на национальный вопрос, а главное – диссертацию и монографию Н.В. Винюковой. Наконец, анализ полемики вокруг русификации католического богослужения (т. 2, с. 28-56), на наш взгляд, не вполне полон без нашего указания (в статье 2017 г.) на связь катковских выступлений по данному вопросу с его публикациями в «Русском вестнике» «либерального» периода.

Впрочем, все наши замечания концептуального характера носят скорее дискуссионный характер, а лакуны в источниках и историографии при таком масштабном исследовании, к сожалению, неизбежны. Таким образом, вышеизложенное не влияет на нашу общую оценку диссертации – в которой помимо уже отмеченных общих достоинств и новизны общей концепции, есть немало частных сюжетов, впервые нашедших своё отражение в историографии.

Так, ценным представляется анализ деятельности В.И. Назимова – который, вопреки общеизвестным нелицеприятным характеристикам М.Н. Муравьева, предстает на страницах диссертации одним из пионеров «оборонительной русификации» Северо-Западного края (т. 1, с. 352-358). Впервые в историографии рассмотрена деятельность малоизвестных представителей «русской партии» на местах: В.В. Скрипицына (т. 1, с. 405), западнорусских корреспондентов Каткова С. Папроцкого и И. Захарьина (с. 435), Н.Ф. Акоронко (т. 2, с. 92), М.Н. Харузина (т. 2, с. 189-192), Е.В. Чешихина (т. 2., с. 195-230), Н.А. Энгельгардта (т. 2, с. 242-244, 264-266), Б.В. Юзефовича (т. 2., с. 247-249), И.Н. Смирнова (т. 2., с. 251-255). Ценным вкладом в историографию являются сюжеты, посвященные отражению на страницах газеты «Русский мир» прибалтийского вопроса (с. 170-171), участию этой газеты и других национально-консервативных изданий в дискуссии о необходимости открытия русского университета в Северо-Западном крае (т. 2, с. 99-105), а также раздел о деятельности Виленского

отдела «Общества ревнителей русского исторического просвещения» (т. 2, с. 110-144).

Все это позволяет нам заключить, что диссертационное исследование М.Н. Крота «Северо-Западные окраины Российской империи в отечественном национально-консервативном дискурсе второй половины XIX – начала XX в.» соответствует требованиям п.п. 2.1. и 2.2. «Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Южный федеральный университет», а ее автор, Крот Максим Николаевич, заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история.

Официальный оппонент:

Доктор исторических наук, 07.00.02 – Отечественная история
профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX в.
Института истории ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

14 сентября 2025 г.

Александр Эдуардович Котов

Адрес: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Телефон: 8 (812) 328-94-47

E-mail: a.kotov@spbu.ru

ЛИЧНУЮ ПОДПИС.

ЗАВЕРЯЮ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА

